

ГЛАВА I

Эволюция понятий «культурное наследие» и «его преемственность» в политических и общественных взглядах и концепциях в России (XIX — первая половина XX века)

Преемственность является одной из главных закономерностей в развитии мировой культуры. Ее сущность состоит в единстве наследования и использования накопленных прошлыми поколениями культурных ценностей, любой новый этап в истории культуры был бы невозможен без предыдущего.

Преемственность в развитии культуры — это общесоциологическая закономерность, но на нее большое влияние оказывают экономические, политические и идеологические противоречия в обществе, антагонизм, существующий между разными классами и социальными группами.

В сложной истории России сохранение преемственности в развитии культуры имело и имеет первостепенную важность и особый смысл. Эта закономерность в нашей истории часто деформировалась в результате «революционных преобразований» и «перманентного» каскада социальных потрясений.

Глубокие негативные последствия имели и попытки очередных «победителей» в политической борьбе заставить огромную страну и весь народ начать жить, «как бы с чистого листа». При этом подчас отвергалась сразу вся «бездарная» российская история. В России следовало дружно и уверенно исполнять «Боже, царя храни», «Интернационал», «Отче наш» или что-нибудь другое, в известной последовательности, и возвещать всему миру о том, что мы вышли на самую передовую линию прогресса.

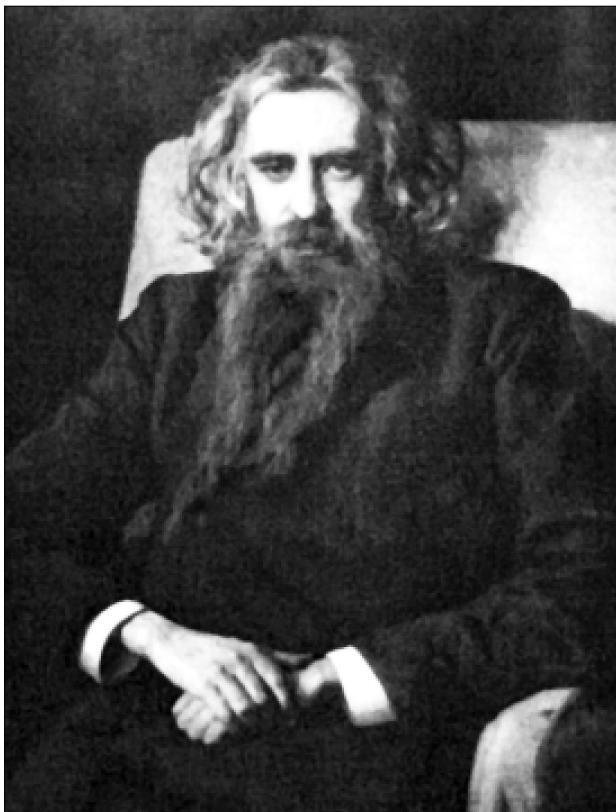
В русской истории государственные и политические деятели, «властители дум», мыслители в разные ее моменты неоднозначно оценивали и по-разному относились к вопросам преемственности и использования культурного наследия.

В настоящей главе мы попытаемся вкратце отразить и проанализировать процесс эволюции этих взглядов в России у представителей разных направлений и пристрастий.

Результаты реформаторской деятельности императора Петра I ускорили духовный рост России и способствовали более уверенному ее вхождению в процесс развития мировой культуры. В. О. Ключевский писал о том, что Петр I надеялся «водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности»¹. По мнению В. О. Ключевского, заветным желанием императора было «пересадить европейские корни на русскую почву» и овладеть источниками и средствами материальной и духовной культуры Европы.

Важное историческое значение и высокий смысл имели попытки великого реформатора цивилизовать и гуманизировать Россию. Историк XVIII века М. Щербатов указывал, что Петр I «не токмо тщался ввести познания наук, искусств и ремесел, военное порядочное устройство, торговлю и приличнейшие узаконения в свое государство... не меньше он прилагал намерения являющиеся ему грубые, древние нравы смягчить»². Конечно, в условиях деспотизма и порабощенного народа полностью подобные грандиозные задачи решить было невозможно, но основы реальной причастности к европейской культуре все-таки заложить удалось.

На наш взгляд, интересную характеристику этим результатам деяний императора Петра I дал выдающийся российский философ В. С. Соловьев в своей работе «Византизм и Россия» (1896 год). Там он, в частности, отметил, что «действительное завещание Петра Великого, написанное его делами на лучших страницах русской истории, обязывало Россию, научившись урокам Византии, приняться за то, что должна была, но чего не захотела делать империя Константина, вследствие чего она и погибла... Сближение с Европой, которым мы обязаны Петру Великому, принципиальную свою важность имеет именно в этом: чрез европейское просвещение русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т. д., без которых невозможно достойное существование и истинное совершенствование»³.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900)

Полагаем, что эта оценка нуждается в некотором уточнении, с позиции исторического прошлого России. Для перечисленных мыслителей «понятий» в то время все-таки «раскрылись» только лучшие умы России. А сами эти «понятия» — «человеческое достоинство», «права личности», «свобода совести», к сожалению, за прошедшие со времени Петра I три столетия пережили сложную эволюцию и развивались по весьма специфической «спирали», то есть по такой «спирали», которая подчас проявляла свое стремление просто «сорваться в штопор».

Тем не менее, в результате петровских реформ в стране были созданы важные предпосылки для формирования национального

культурного наследия, заложены основы для более успешного развития культуры и просвещения.

Надо сказать о том, что процесс укрепления культурно-философского и эстетического самосознания в России пошел более высокими темпами только с начала XIX века. Следовательно, потребовалось примерно семь десятилетий после петровских реформ для того, чтобы в России более или менее отчетливо проявились зачатки гражданского общества, появился тончайший социальный слой граждан, состоявший, в основном, из представителей дворянства, которые в духовной жизни выстраивали новый тип своего отношения к окружающему миру, во многом ориентированный на Европу.

В среде российского передового дворянства были и «предтечи», несколько опередившие развитие общества и ход самой истории. Здесь следует вспомнить об одном из самых замечательных русских ученых рубежа веков — Н. М. Карамзине. В одном из своих писем из Парижа, написанном в мае 1790-го года, Н. М. Карамзин высоко оценивал значение преемственности Россией европейского культурного наследия. Он писал об этом следующее: «У нас был свой такой Государь, которому нигде не было подобных, — Петр Великий... Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее Русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытом. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли б было Русским не строить кораблей, не образовать регулярного войска, не заводить Академий, фабрик, для того, что все это не Русскими выдуманно?»⁴

Великим продолжателем идей и замыслов императора Петра I стал А. С. Пушкин. Отдельные его мысли не только не утрачивают актуальности в наши дни, но, наоборот, как нам кажется, приобретают новую, еще большую силу звучания. А. С. Пушкин писал о том, что «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства»⁵. Думаем, что в данном случае мыслитель упомянул дворянство, так как считал, что именно оно является в России носителем и продолжателем культурных традиций. Действительно, «на дворе стоял» в то время во многих отношениях «дворянский» период истории.

А. С. Пушкин являлся самой яркой звездой, вспыхнувшей на небосклоне русского «золотого века», он был и одним из самых

знаменательных выражений «русского духа». Подобных высот духа и ему, и другим замечательным его современникам удалось достичь во многом благодаря осмыслению и принятию лучших традиций западноевропейской культуры.

В 1824 году А. С. Пушкин писал по этому поводу следующее: «Все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке: просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись...»⁶

Заметим, что эти строки были написаны, по меркам истории, совсем недавно, в первой четверти XIX века. Здесь следует вспомнить о том, каких «заоблачных высот» достигли отечественные литература, искусство, музыка, в целом — культура и наука к началу XX столетия, то есть за какие-нибудь семь десятилетий.

У нас имеются достаточно веские основания полагать, что столь интенсивный и позитивный эволюционный процесс в большой степени стал возможен благодаря тому, что лучшие представители российской интеллигенции опирались в своей творческой деятельности на достижения мировой культуры, бережно относились к самому принципу преемственности в культурном наследии.

В этой связи, мы посчитали возможным привести здесь одно из высказываний Д. С. Мережковского о высоком значении А. С. Пушкина, о его выдающемся вкладе в развитие российской культуры. Д. С. Мережковский писал по этому поводу следующее: «В сущности, Пушкин есть донныне единственный ответ, достойный великого вопроса об участии русского народа в мировой культуре, который задан был Петром. Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию»⁷.

Можно только в общем плане согласиться с данным высказыванием мыслителя, приняв его с некоторой сдержанностью, в силу его высокого риторического «накала». Думаем, что к моменту написания Д. С. Мережковским этих строк (начало XX века), А. С. Пушкин в России являлся далеко не единственным «ответом, достойным великого вопроса», и это не нуждается в каких-либо дополнительных доказательствах.

Очень интересной, на наш взгляд, является оценка этого великого явления российской культуры, данная академиком Д. С. Лихачевым. Он считал, что А. С. Пушкин являлся русским европейцем и русским человеком, каким он в идеале должен быть. Д. С. Лихачев отметил, что «Пушкин — это гений, сумевший создать идеал нации, идеал культуры»⁸.

Для нашего исследования большой интерес представляют взгляды современника А. С. Пушкина Петра Яковлевича Чаадаева. Прежде всего, П. Я. Чаадаев высоко оценивал основные результаты реформаторской деятельности Петра Великого. Он писал в своей работе «Апология сумасшедшего» об этом следующее: «Величайший из наших царей, тот, который, по общепринятому мнению, начал для нас новую эру, которому, как все говорят, мы обязаны нашим величием, нашей славой и всеми благами, какими мы теперь обладаем...»⁹ Развивая эту мысль, П. Я. Чаадаев отмечал, что император Петр I «открыл наш ум всем великим и прекрасным идеям, какие существуют среди людей; он передал нам Запад сполна, каким его сделали века, и дал нам всю его историю за историю, все его будущее за будущее»¹⁰.

В то же время, П. Я. Чаадаев считал, что преобразования Петра I предполагали отречение от предыдущей истории России, от накопленных ею вековых традиций. Мыслитель писал, что Петр I «перед лицом всего мира отрекся от старой России», что он «нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад». Полагаем, что можно только в общем плане согласиться с этим взглядом П. Я. Чаадаева. Нам представляется, что здесь несколько преувеличена отрицательная составляющая в оценке отношения Петра I к историческому наследию. В порядке только обсуждения этого вопроса, позволим себе напомнить о том, что именно по личному указанию императора были приняты меры по увековечению памяти Александра Невского: его останки были перевезены в Петербург, была создана Александроневская лавра, учрежден орден А. Невского. Приведем другой достойный внимания пример. В 1722 году, во время Персидского похода, Петр I внимательно осмотрел археологические памятники древнего Булгара. Является малоизвестным тот факт, что спустя многие десятилетия российские ученые — представители Санкт-Петербургской Академии наук, считали это событие «началом

государственной деятельности по изучению и охране памятников археологии в России». Так, в августе 1922 года в Академии наук был отмечен 200-летний юбилей Персидского похода Петра I. На торжественном заседании общего собрания Академии наук был сделан ряд научных докладов, в том числе академиком С. Ф. Платоновым «Петр Великий и Персидский поход»; академиком В. В. Бартольдом «Новые сведения о Дербенд-Наме»; академиком С. Ф. Ольденбургом «Об отношении Петра Великого к востоковедению»¹¹.

Наверное, можно считать слишком эмоциональным и негативное отношение самого П. Я. Чаадаева к допетровскому прошлому России (это о «листе белой бумаги»). В нашем распоряжении имеется богатый фактический материал о многогранности российской допетровской истории. Позволим себе привести здесь только один, ныне почти забытый факт. Капитан Маржерет свое сочинение «Состояние Российской державы», написанное в самом начале XVII века, представил французскому королю Генриху IV. При этом в сопроводительном письме он, в частности, отметил следующее: «Я могу уверить, что Россия, описанная мною по приказанию Вашего величества в настоящем сочинении, служит христианству твердым оплотом, что она гораздо обширнее, сильнее, многолюднее, обильнее, имеет гораздо более средств для отражения скифов и других магометанских народов, чем многие предполагают»¹². Внимательное прочтение текста сочинения Маржерета со всей убедительностью показывает, что, оценивая Россию в качестве «твердого оплота христианства», бравый капитан имел в виду не только ее вооруженные силы, но и устройство государственной власти, состояние торговли и ремесел, церкви и ее самобытной культуры.

Подобная оценка исторического прошлого России прямо следовала из воззрений П. Я. Чаадаева, изложенных им еще в Первом философическом письме. Там он, в частности, говорил о том, что «мы (то есть Россия. — В. С.) никогда не шли вместе с другими народами... мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия»¹³.

За эти откровения П. Я. Чаадаев был подвергнут самому резкому осуждению со стороны своих многих патриотически настроенных

современников. Сам император Николай I посчитал нужным внести свою «высочайшую» лепту в развернувшуюся «полемику», объявив мыслителя «безумным». Соответственно, многие его мысли были объявлены нелепыми, и на долгие десятилетия был наложен запрет на публикацию его трудов.

П. Я. Чаадаев, отвечая своим решительно настроенным оппонентам, писал: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его»¹⁴.

Этот полный достоинства, убедительный ответ мыслителя, скорее всего, не мог охладить «полемический» задор его оппонентов. Здесь можно только констатировать, что в деле развития и обогащения давней традиции человечества забивать своих пророков камнями Россия занимает явно не последнее место. Однако, на наш взгляд, эти мысли П. Я. Чаадаева и сегодня не утратили высокого смысла и актуальности.

Серьезную эволюцию представления о культурном наследии претерпели у другого русского мыслителя и видного общественного деятеля, А. И. Герцена. Это вполне объяснимо тем, что политические и эстетические воззрения Искандера неоднократно изменялись и корректировались на протяжении его жизни. А. И. Герцен начинал свою общественно-политическую деятельность как представитель «революционного славянофильства», к концу жизни, в основном, отражал взгляды и позиции «просвещенного европеизма».

Следует начать с того, что А. И. Герцен придавал большое значение развитию культуры в России. Он считал, что именно в крепостнической России, более чем в какой-либо другой стране, литература и искусство являлись главным средством «выражения духовных сил нации». А. И. Герцен думал, что здесь литература и искусство были единственной трибуной, с которой народ мог «услышать крик своего возмущения и своей совести»¹⁵.

Возможно, именно отсюда возникла ассоциативная связь с названием знаменитого журнала «Колокол».

Довольно четко свое отношение к историческому прошлому России, к культурному наследию А. И. Герцен определил в ходе

достаточно долгой по времени полемики со славянофилами. Он считал, что славянофилы не понимают сути непрерывности исторического процесса, закономерность преемственности культурного наследия, накопленного столетиями. А. И. Герцен в ходе этой полемики указывал на то, что славянофилы «не понимают, что новая Русь — была Русь же, они не понимают, что с петровского разрыва на две Руси начинается наша настоящая история... отсюда все, что у нас есть — смелое государственное развитие, выступление на сцену Руси как политической личности и выступление русских личностей в народе; русская мысль приучается высказываться, является литература, является разномыслие, тревожат вопросы...»¹⁶ В то время он являлся последовательным сторонником европеизации России, считая, что это будет способствовать развитию самосознания и культуры народа. Мыслитель отмечал, что «близость с Европой ободряет, развивает веру в нашу национальность».

Однако во взглядах и концепциях и западников, и славянофилов встречались объединяющие их моменты. В своем замечательном романе «Былое и думы» А. И. Герцен говорил об этом, в частности, следующее: «Да, мы были противниками, но очень странными... У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное, которое они (славянофилы. — В. С.) принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно»¹⁷.

Это важное откровение мыслителя подвигнуло нас сделать небольшое отступление, связанное с его сутью. Действительно, практически все политические движения и партии в России на протяжении XIX–XX столетий буквально состязались в стремлении доказать свою любовь к русскому народу. Однако одним из парадоксов истории оказалось то, что сам народ, в конечном счете, свою любовь отдавал только тем своим вождям, которые и хотели, и могли жестко управлять им, крепко держать в своих руках вожжи, а то и кнут, придавать «нужное» направление и скорость движения «народной колеснице». Совершенно очевидно, что более всего большинство народа любило таких своих лидеров, как В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. И. Брежнев, В. В. Путин. При этом и сама

цель движения, и средства, которые приходилось на все это затрачивать, определяющего значения не имели. Большинство граждан в этом процессе устраивало, прежде всего, совершенно обманчивое ощущение того, что, по выражению Н. В. Гоголя, «постораниваются и дают ей (русской тройке. — В. С.) дорогу другие народы и государства», что, в свою очередь, порождало устойчивое «чувство законной гордости». Правда, до сих пор еще никак не удается получить вразумительный ответ на резонный вопрос: «Русь, куда ж несешься ты?»

Известно, что после поражения революции 1848 года А. И. Герцен перестал считать Европу главным двигателем прогресса и потерял веру в творческий потенциал европейской культуры. В это время он писал о крушении господствовавших ранее в его мировоззрении европейских идеалов следующее: «Все это переплавилось и переродилось в целую совокупность других господствующих нравов, мещанских. Они составляют целое, то есть замкнутое, оконченное в себе воззрение на жизнь, со своими преданиями и правилами, со своим добром и злом, со своими приемами и своей нравственностью низшего порядка»¹⁸.

В то же время, после европейских событий 1848 года А. И. Герцен изменил свои взгляды и в отношении России. Теперь, по его мнению, именно Россия должна была стать прямой наследницей и продолжательницей европейской цивилизации и культуры. Причем одной из гарантий выполнения Россией этой высокой миссии мыслитель считал развитие русской литературы и искусства. А. И. Герцен, в частности, говорил о том, что «ничего так глубоко не характеризует Россию, ничего не предвещает ей столь великой будущности, как ее литературное движение»¹⁹. Подобные взгляды и воззрения А. И. Герцена и составили суть его известной общественно-эстетической концепции.

Известно, что А. И. Герцен являлся последовательным сторонником революционного преобразования России. В этой связи для нас представляет интерес его отношение к вопросам сохранения культурного наследия, преемственности в развитии культуры. А. И. Герцен считал сохранение культурного наследия необходимым условием коренных революционных преобразований. Он писал по этому поводу следующее: «Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной...

Довольно христианство и ислаимзм наломали древнего мира, довольно Французская революция наказила статуй, картин, памятников — нам не приходится играть в иконоборцев»²⁰. Таким образом, А. И. Герцен одним из первых среди деятелей русского освободительного движения придавал решающее значение в будущей революции задачам социального созидания, для которого нужны «построяющие идеи», а также необходимости всемерного развития народного сознания.

В ряду «властителей дум» российской интеллигенции второй половины XIX столетия свое особое место занимает Н. Г. Чернышевский, являвшийся ярким примером русского «европейца». Он был все-сторонне образованным человеком, помимо русской классической литературы, хорошо знал и западноевропейскую — Гете, Диккенса, Лессинга, Шиллера и др. Н. Г. Чернышевский переводил с английского, немецкого, французского языков; в журнале «Современник» заведовал отделом зарубежной хроники, писал критические статьи о произведениях западноевропейских писателей. Он являлся убежденным сторонником многих прогрессивных западноевропейских идей и, прежде всего, принципов свободы личности. В своих произведениях Н. Г. Чернышевский неоднократно вспоминал знаменитое высказывание Э. Канта о том, что «человек — сам себе цель».

В то же время, он полагал, что настоящее осмысление и использование богатого европейского культурного и идейного наследия в России возможно только после достаточно долгого и сложного этапа просвещения народа. Н. Г. Чернышевский по этому поводу писал следующее: «Пользоваться уроком может только тот, кто понимает его, кто достаточно приговорен, довольно просвещен. Когда мы будем так же просвещены, как западные народы, только тогда мы будем в состоянии пользоваться их историей»²¹.

Мыслитель сознавал неразвитость общественной жизни в России, ее отсталость в данном отношении от Европы. В связи с этим он считал литературу и искусство действенными рычагами влияния на умы современников, полем борьбы с реакционными основами русского самодержавия. Н. Г. Чернышевский указывал на то, что «литература у нас пока сосредотачивает почти всю умственную жизнь народа, и поэтому прямо на ней лежит долг заниматься и такими интересами, которые в других странах перешли уже, так

сказать, в специальное заведование других направлений умственной деятельности»²². Литература и искусство, по его мнению, призваны были в России решать не только эстетические, но и самые острые социальные проблемы.

Отметим, что в этом взгляды Н. Г. Чернышевского во многом совпадали с позицией А. И. Герцена и, как нам кажется, несколько усиливали утопический характер их идейных убеждений и устремлений.

Позволим себе сделать небольшое отступление, в порядке обсуждения этой проблемы. Безусловно, просвещение народа и усиление роли литературы в обществе являются важной составляющей прогресса. Важной, но, все-таки, только одной из составляющих. Достаточно вспомнить тот факт, что в 1970-х — 1980-х годах СССР не без основания считался «одной из самых читающих стран мира». Книги и русских, и зарубежных классиков издавались и раскупались многомиллионными тиражами. В 1990-е годы ко всему этому добавились миллионные тиражи ранее запрещенной, в том числе эмигрантской, литературы.

Однако, этот благотворный процесс, в конечном счете, практически не повлиял на печальные результаты очередной российской революции — «перестройки» в духовной сфере жизни нашего общества. Назовем только некоторые из этих результатов: бездуховность и безнравственность стали почти нормами жизни народа, стране «удалось достигнуть» низкого уровня культуры на фоне всепобеждающего, тотального наступления антикультуры в самых негативных ее проявлениях... Правда, данная философско-этическая проблема не является предметом нашего исследования.

Продолжая свое повествование, заметим, что нет никаких сомнений в том, что и А. И. Герцен, и Н. Г. Чернышевский «хотели, как лучше», и уж конечно, никак не могли представить себе тех результатов, которых сумеет достичь Россия к началу XXI столетия.

Так, Н. Г. Чернышевский считал, что великая русская литература должна побороть вековое равнодушие русского народа к общественной и духовной жизни. Он с горечью писал о ставшем уже традиционным безразличии российского общества «ко всем высшим интересам общественной, умственной и нравственной жизни, ко всему, что выходит из круга личных житейских забот и личных развлечений. Это наследство котошихинских времен (середина

XVII века. — В. С.), времен страшной апатии. Привычки не скоро и не легко отбрасываются отдельным лицом, тем более народом»²³.

Следует сказать и о том, что в страстном просветительском порыве Н. Г. Чернышевского нашли себе место и отдельные черты российского нигилизма. Совершенно не случайно в его романе «Что делать?» были нарисованы образы «новых людей», которым были присущи такие черты, как презрительное отношение к некоторым нормам человеческих взаимоотношений, к ряду традиций жизни общества. Эти идеи Н. Г. Чернышевского были горячо одобрены радикально настроенной молодежью, и роман «Что делать?» стал настоящей библией российского нигилизма 1860-х — 1870-х годов.

Одним из самых ярких «властителей дум» российской радикальной молодежи стал просветитель-материалист Д. И. Писарев. Он придавал особое значение некоторым идеям преемственности для России европейского опыта, особенно в развитии экономики, усиления роли естественных наук. Однако разработать свою конкретную социально-экономическую программу мыслитель не успел.

Наибольшую известность и громкий резонанс в России имела просветительно-публицистическая деятельность Д. И. Писарева. В своей просветительской работе он являлся, прежде всего, непримиримым обличителем бесправия и невежества народа, застоя в общественной жизни России, бескомпромиссным борцом за «правду» и «разум».

Все это стало одной из причин того, что элементы нигилизма стали неотъемлемой составляющей просветительского мировоззрения Д. И. Писарева. Подчас его публицистический порыв приводил только к «чистому обличительству» и даже к анархизму. Уже в 1861 году Д. И. Писарев призывал: «Бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»²⁴. На основе подобной идейной платформы он пришел к резкой критике ряда важных элементов национального культурного наследия, к отрицанию необходимости использования их в духовной жизни общества.

Так, в своей статье «Пушкин и Белинский», написанной в 1865 году, двадцатипятилетний критик гневно обличал А. С. Пушкина следующим образом: «Решительно никто из русских поэтов не может внушать своим читателям такого беспредельного равнодушия к народным страданиям и такого систематического отвращения к полезному труду, как Пушкин»²⁵. Завершался

«принципиальный» критический анализ пушкинского творческого наследия вполне неутешительно: «Теперь дело сделано: в так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно не способного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века»²⁶.

Разящие стрелы критики поражали и писателей-современников Д. И. Писарева, которые, по его мнению, не уделяли в своем творчестве должного внимания «народным страданиям» и «борьбе за освобождение народа». Так, резко осуждению были подвергнуты произведения И. А. Гончарова. Молодой критик оценивал их следующим образом: «Надо будет сказать напрямик, что весь “Обломов” — клевета на русскую жизнь... Да! Автор “Обыкновенной истории” напрасно прикинулся прогрессистом. Обращаясь к нашему потомству, Гончаров будет иметь полное право сказать: не поминайте лихом, а добром нечем!»²⁷

Несколько сдержаннее прозвучали у Д. И. Писарева упреки в адрес другого известного писателя. Критик риторически вопрошал: «Что-то будет с Тургеневым?», и сам себе отвечивал: «Кроме фальшивого понимания и уродливого построения, в романе “Накануне” есть еще недоговоренность, умышленная недоговоренность в выражении главной идеи»²⁸. Подобные примеры можно было бы и продолжить.

Следует отметить, что еще при жизни самого Д. И. Писарева в русской публицистике появились статьи, достаточно резко критиковавшие его обличительные и нигилистские идеи. Но, вместе с тем, он пользовался огромной популярностью у молодежи и, вообще, у «прогрессивно настроенных» слоев русского общества.

Одно из любопытных подтверждений подобного положения дел встретилось нам в сочинениях известного русского писателя и мыслителя В. В. Розанова. В 1882 году В. В. Розанов, после окончания Московского университета, был определен к должности учителя истории и географии в Брянскую прогимназию. Одним из первых «порывов души» молодого педагога стало его предложение выписать для учащихся сочинения А. С. Пушкина. Позднее в своем сочинении «Мимолетное» он следующим образом вспоминал это событие своей жизни: «Так судьба и вывела против

Пушкина Писарева... И Пушкин угас. Сгас. Никто более не читает. В Брянскую прогимназию хотели выписать: книготорговец Салаев ответил, что «Нигде достать нельзя, нигде не продается, магазины не держат, за полным отсутствием спроса»²⁹.

Другой пример в этом же плане. В свое время нам удалось выявить в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН один интересный документ. Он связан с празднованием в России 100-летнего юбилея А. С. Пушкина. Известно, что инициатива празднования того Пушкинского юбилея исходила от Санкт-Петербургской Академии наук и, прежде всего, от ее президента великого князя Константина Константиновича.

В дни юбилейных торжеств Санкт-Петербургским митрополитом Антонием была отслужена панихида о великом поэте. Митрополит Антоний, один из высококультурных иерархов Русской православной церкви, произнес и «речь при поминовении А. С. Пушкина». 1 июня 1899 года он направил великому князю Константину Константиновичу несколько экземпляров текста своей речи, отпечатанной типографским способом. В своем сопроводительном письме архипастырь, в частности, написал следующее: «Я вырос-тал как раз в то время, когда Пушкина писаревская и К^о критика ставила ни во что, и во все время своего студенчества Пушкина не читал. Изучать его внимательно никогда не пришлось. С произведениями его знакомился уже после школьной скамьи»³⁰. Полагаем, что нет никакой необходимости как-то комментировать текст этого исторического источника.

У историка остается некоторое недоумение и даже растерянность от мыслей о том, как, все-таки, могли подобные нигилистские взгляды Д. И. Писарева находить такой живой отклик и получить такую популярность, причем именно в среде «думающей» части русского общества?! Позволим себе высказать только одно предположение на этот счет. Видимо, решающим фактором, способствовавшим восприятию многочисленными читателями Д. И. Писарева в качестве реального «властителя дум», была его самая радикальная политическая позиция, направленная на решение задач «освобождения народа», а, следовательно, направленная «на ниспровержение существующего в России государственного строя». А об этом же мечтала и «думающая» часть русского общества. Скорее всего, радикально мыслящей интеллигенцией именно

эта составляющая писаревской публицистики ставилась во главу угла. Ну, а когда одни всерьез собираются «ниспровергать», другие более чем серьезно хотят не допустить этого, то в пылу политических страстей и идейных споров даже «Пушкины» могут оказаться «за бортом парохода современности».

Труды выдающегося мыслителя В. С. Соловьева во многом определили атмосферу духовной жизни России конца XIX — начала XX века. Для нашего исследования большой интерес представляет отношение В. С. Соловьева к реформаторской деятельности императора Петра I. Он считал «Эпоху преобразований средоточием русской истории». В своей работе «Несколько слов в защиту Петра Великого», опубликованной в 1889 году, В. С. Соловьев писал об этом следующее: «Нет надобности доказывать, что петровской же реформе Россия обязана всем своим наличным образованием и всеми сокровищами своей литературы. Если бы тут мог быть какой-нибудь вопрос, то на него уже ответили два величайшие представителя русского образования и литературы в прошлом и настоящем веке — Ломоносов и Пушкин, неразрывно связавшие свое имя с именем Петра»³¹.

Выше мы уже упоминали о том, что В. С. Соловьев в другой своей работе, «Византизм и Россия», написанной позже, в 1896 году, также весьма позитивно оценивал значение петровских реформ для развития культуры и просвещения в стране.

В то же время, мыслитель считал, что важнейший, в его понимании, вопрос преемственности Россией европейского исторического и культурного наследия очень далек до своего решения, что богатый положительный европейский опыт с большим трудом удастся пересадить на русскую почву. В своей работе «Русская идея» В. С. Соловьев следующим образом излагал эту свою важную мысль о России: «Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тем не менее своеобразного величия»³². Нам это высказывание представляется не только оригинальным, но и верным.

Действительно, для вековых имперских амбиций и традиций, часто определявшим главный вектор развития России, «чисто отрицательные» элементы жизни огромной страны и ее народа были вопросами второстепенной важности, второго плана, а вот сохранение «своеобразного величия» всегда имело первостепенное значение, и ему, этому «величию» приносились и мыслимые, а порой и немислимые жертвы. Кажется, что подобная ситуация бесконечно сохраняться и продолжаться не может.

В. С. Соловьев имел свое, также достаточно оригинальное, мнение по вопросу преемственности Россией исторического и культурного наследия Европы. Он высоко оценивал значение этой преемственности для ее развития. Так, в своей работе «Национальный вопрос в России» он следующим образом оценивал фактор преемственности в развитии российской науки: «Европейским приходилось самим пролагать пути настоящего знания; русская же наука сразу, с первого шага, вступила на готовый и верный путь и могла идти за вождями вполне надежными, за Декартами и Лейбницами, Галилеями и Ньютонами... Русские, несомненно, оказались весьма способными ко всем наукам»³³.

В то же время, мыслитель достаточно скромно оценивал вклад самих российских ученых в мировую науку. Он писал об этом следующее: «Рожденная под самыми счастливыми созвездиями, русская наука не озарила мир новым светом, со стороны результатов труды наших первоклассных ученых, при всех своих достоинствах, не имеют настолько глубокого и обширного значения, чтобы влиять определенным образом на общий ход научного развития или составить эпоху в истории хотя бы отдельных наук»³⁴.

Думаем, что данное утверждение В. С. Соловьева не бесспорно. Не вдаваясь в полемику по этому важному предмету, попытаемся только как-то объяснить его позицию. Эти строки были написаны В. С. Соловьевым в середине 1880-х годов, в момент усиления реакционной политики правительства императора Александра III, начала проведения контрреформ. Этот процесс не мог не оказать негативного воздействия на развитие всей общественной и культурной жизни в России. Наверное, именно в связи с этим мыслитель отметил, что в те годы «самый интерес к науке, то научное увлечение, которое одушевляло прежде лучшую часть русского общества, совершенно исчезают. Только отсутствием всякого научного интереса

можно объяснить себе полное равнодушие, с которым наше общество встретило новый университетский устав 1884 года»³⁵. (Устав 1884 года в значительной степени понизил уровень свобод, введенных ранее, университетским уставом 1863 года. — В. С.) Кроме того, В. С. Соловьев в тот момент, конечно, не мог предвидеть тех успехов отечественной науки, которых ей удастся достигнуть в последующие годы. Например, того мирового признания, которое получают труды и открытия таких ученых, как Д. И. Менделеев, А. П. Карпинский, И. П. Павлов, В. И. Вернадский и др.

Несколько выше В. С. Соловьев оценивал результаты развития литературы и искусства в России. Он писал по этому поводу следующее: «Более основательные надежды на великую будущность возбуждает, по-видимому, русская действительность в области изящной литературы и искусства... Без сомнения, русская изящная литература в своих лучших произведениях не лишена оригинальности и внутренних достоинств»³⁶. Основным результатом этого позитивного, по мнению мыслителя, процесса был им зафиксирован таким образом: «Как русская изящная литература, при всей своей оригинальности, есть одна из европейских литератур, так и сама Россия, при всех своих особенностях, есть одна из европейских наций».

Особое место в учении В. С. Соловьева занимал вопрос о всемирно-исторической роли России. Он считал, что русский народ должен всемерно развивать христианство и его культуру, наследованные у Византии. Мыслитель видел историческое призвание России в победе идей христианского экуменизма, в создании Вселенской церкви. В своей работе «Философские начала цельного знания» В. С. Соловьев писал об этом следующее: «Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное, в высшем смысле этого слова. Только тогда воля и ум людей вступят в общение с вечно и истинно сущим, тогда только получают свое положительное значение и цену все частные формы и элементы жизни и знания...»³⁷.

Вызывают интерес и те доказательства, которые приводит В. С. Соловьев, обосновывая это призвание русского народа. Об этом говорится следующее: «Наружный образ раба, доселе лежащий на нашем народе, жалкое положение России в экономическом и других отношениях не только не могут служить возражением

против ее призвания, но скорее подтверждают его, ибо та высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно нее не могут иметь никакого значения»³⁸.

После внимательного прочтения этих строк нам невольно вспомнилось еще одно, весьма похожее по своей методологии и логике обоснование другого «исторического призвания» России и ее народа. Мы имеем в виду «ленинское учение о социалистической революции». Хорошо известно, что В. И. Ленин, вопреки основополагающим выводам К. Маркса, доказывал, что для победы социалистической революции совсем не обязательны ни высокий уровень экономического развития страны, ни наличие в ней мощного пролетариата, и что революция должна победить сначала именно в «слабом звене капиталистических государств». Ну, а уж затем должен был «полыхнуть и пожар мировой революции». На наш взгляд, обе эти идейные концепции в своей основе носят утопический характер. Не совсем понятно другое важное обстоятельство данного явления: почему идея мессианства России и ее народа покорила подчас наши лучшие умы и становилась настоящим вероисповеданием миллионов людей?!

Особое значение для нашего исследования имела небольшая статья В. С. Соловьева «Тайна прогресса», опубликованная в январе 1895 года в газете «Русь». Главная идея, изложенная мыслителем в этой работе, стала для нас настоящим откровением и внесла определенные коррективы в наше отношение к изучению истории отечественной культуры в целом.

Попытаемся изложить суть этой статьи³⁹. В ней В. С. Соловьев указывал на то, что «Современный человек в охоте за беглыми, минутными благами и летучими фантазиями потерял правый путь жизни... Но за ним стоит священная старина предания — о! в каких непривлекательных формах — но и что же из этого? Пусть он только подумает о том, чем он ей обязан; пусть внутренним сердечным движением почтит ее седину». И далее следует главная мысль автора: «Пусть он потрудится перенести это священное бремя прошедшего через действительный поток истории. Ведь это единственный для него исход... Дело одно: идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины... Вот тайна прогресса — другой нет и не будет».

По нашему, безусловно, совершенно субъективному мнению, это гениальный вывод, сделанный В. С. Соловьевым; полагаем, что его можно считать одним из замечательных отечественных пророков и ученых.

В трудах отечественных мыслителей нам удалось выявить еще одно высказывание, которое бы в известной степени повторяло приведенное выше утверждение В. С. Соловьева. Речь идет о небольшой работе Д. С. Мережковского с довольно странным названием «Головка виснет», написанной, видимо, под влиянием серьезного упадка духовных сил автора и пессимизма, вызванных поражением первой русской революции и наступлением реакции в стране. Д. С. Мережковский написал тогда следующее: «Кажется иногда, что в России нет вовсе революции, а есть только вечный бунт, вечных рабов... Нам нужно выбрать одно из двух: или окончательно предаться Египетским Тьмам и сказать: "Исчезни, Россия моя!" — или найти в бывшем, каково бы оно ни было, не только временную, но и вечную правду, которая соединит бывшее с будущим»⁴⁰.

В трудах В. И. Ленина разрабатывался ряд серьезных вопросов развития культуры и значения культурного наследия. Для нас важным является то обстоятельство, что указания и высказывания его как главы Советского правительства и бесспорного лидера правящей большевистской партии во многом определяли государственную политику и деятельность в области культуры не только при его жизни, но и многие последующие десятилетия.

В 1913 году В. И. Ленин в своей известной работе «Критические заметки по национальному вопросу» сделал попытку теоретически обосновать положение о том, что культурное наследие не является единым целым, а его следует разделять на две составляющие — прогрессивное и реакционное. Он писал по этому поводу следующее: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре (так в тексте. — В. С.). Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»⁴¹. В свое время это было известное ленинское высказывание, за годы Советской власти его цитировали, наверное, миллионы раз. Вполне понятно, что эта мысль считалась вершиной философской и политической мудрости. Однако, серьезное

осмысление этого ленинского высказывания оставляет сомнения в его правильности и в его здравом смысле.

Весь исторический опыт цивилизованных народов показывает, что духовное и культурное наследие невозможно разделить на хорошее и плохое, нельзя также отказаться от какой-либо его части; его можно только цивилизовать и гуманизировать.

Попытаемся конкретизировать этот вопрос. Например, к какой из двух частей, по ленинской трактовке культуры, следует отнести творчество А. С. Пушкина? Так, «плохой» П. Б. Струве в своей статье «Растущий и живой Пушкин» писал о том, что «Пушкин — величайшее явление русской культуры, значение которого в истории не умаляется, а непрерывно возрастает в России и для России»⁴². Или «хороший», по ленинской схеме, Г. В. Плеханов к моменту написания этих ленинских строк являлся последовательным противником деспотического государства, (а, следовательно, и «диктатуры пролетариата») и единственную альтернативу ему видел в капитализме. Он писал, в частности, об этом следующее: «Капитализм налагает свою грязную руку на литературу и науку, а деспотизм убивает науку и литературу, и стоны рабов заглушаются лестью да свистом бичей»⁴³.

Подобные сомнения по предложенной В. И. Лениным «схеме» можно было бы продолжить и далее. Но полагаем, что уже можно сделать предположение о том, что данное ленинское высказывание, многие годы считавшееся одним из основополагающих в «теории социалистической культуры», на деле являлось чисто политической формулой, заготовленной «на злобу дня». В. И. Ленин в этот момент всерьез занимался разработкой «теории социалистической революции» и обоснованием возможности осуществления революции в России. И в данном конкретном случае мы имеем дело с одной из попыток В. И. Ленина доказать, что даже в культурном наследии объективно существуют антагонистические «классовые противоречия». Политическая активность лидера большевиков вполне понятна, к моменту написания этих строк Россия, действительно, являлась только «слабым звеном» в ряду капиталистических государств. Так, в 1912 году на всей территории Российской империи и в тяжелой, и в легкой промышленности насчитывалось всего 2 596 070 рабочих (то есть пролетариев)⁴⁴, в то время, как все население страны составляло более

155 000 000 человек (по переписи населения 1897 года насчитывалось 128 967 694 «души»⁴⁵).

Действительно, партии нового типа пришлось немало потрудиться, чтобы внедрить в умы большей части пролетариев «передовую» социалистическую идеологию. Об одном из главных результатов этого подвижничества хорошо, на наш взгляд, сказал М. А. Волошин в своей замечательной поэме «Россия»: «Один поверил в то, что он буржуй, Другой себя сознал как пролетарий, И началась кровавая игра...».

После установления Советской власти, в ходе революционных преобразований, соответственно, изменилась и позиция В. И. Ленина, применительно к создавшимся историческим условиям. В 1919 году в своей работе «Успехи и трудности Советской власти» он говорил о необходимости преемственности в культурном наследии: «...от раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство»⁴⁶. В данном случае, можно предположить, что у руководителя Советского государства уже вызывал тревогу и озабоченность тот крупномасштабный разрушительный процесс, который охватил страну в ходе революционных преобразований и вызванной ими гражданской войны.

Теперь обратимся к более позднему заявлению В. И. Ленина, сделанному им в октябре 1920 года на 3-м съезде комсомола. Обращаясь к молодежи, он указывал следующее: «Старое разрушено, оно представляет из себя груды развалин. Перед вами задача строительства, и ее можете решить, только овладев всем современным знанием»⁴⁷.

Призывая молодежь к строительству коммунистического общества, глава государства в основных чертах сформулировал и принципы создания новой пролетарской культуры. По этому поводу было сказано, в частности, что «без ясного понимания того, что только точными знаниями культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру...»⁴⁸.

Есть достаточно веские основания положительно, с точки зрения истории, оценивать приведенные выше высказывания В. И. Ленина. (За годы Советской власти их также цитировали

миллионы раз, и они считались одним из наивысших достижений марксистско-ленинской теории в области развития культуры.)

Однако историка беспокоят некоторые важные аспекты этих политических установок. Прежде всего, нельзя забывать и «сбрасывать со счетов» те огромные культурные потери, которые оказались в «груде развалин старого», тем более что сегодня хорошо известно, кто являлся организатором бурного процесса разрушения. Кроме того, довольно двусмысленно звучал призыв, после овладения «точными знаниями культуры», к их «переработке». Сама по себе «переработка», по замыслу В. И. Ленина, предполагала определенные деформацию и модернизацию. Двусмысленность данного замысла, на наш взгляд, заключалась в том, что для его реализации кто-то должен был бы взять на себя весьма ответственную и сложную миссию определения конкретных параметров «переработки». Возможно, что у самого В. И. Ленина никаких сомнений на этот счет и не было, так как «партия нового типа» уже прочно держала в своих руках политическую власть в стране.

Здесь будет уместным обратиться еще к одной работе В. И. Ленина — «О пролетарской культуре». В ней он, в частности, сформулировал тезис о коренном отличии социалистической культуры от культур всех прошлых эпох. Это отличие В. И. Ленин видел, прежде всего, в идейном содержании новой культуры, «которая должна быть проникнута духом классово-борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры»⁴⁹.

Сегодня можно подвести основные результаты реализации этого указания лидера большевистской партии. За долгие годы Советской власти чего-чего, а идеологического руководства отечественной культуре хватило в самой полной мере (были, правда, самые серьезные испытания и трудности, но уже другого порядка).

После окончания гражданской войны, в связи с началом мирного государственного строительства, В. И. Ленин посчитал необходимым еще раз возвратиться к вопросу отношения к культурному наследию и развития культуры. Эта проблема, как и многие другие в стране, теперь обозначилась по-новому. Митинговый и лозунговый запал стал остывать, начала проходить эйфория от побед на фронтах гражданской войны, теперь надо было научиться жить и работать в мирных условиях.

Но после перехода к новой экономической политике начала сокращаться доходная часть государственного бюджета. Соответственно, стали уменьшаться и бюджетные ассигнования, и, в первую очередь, на культуру и просвещение. Приведем некоторые данные в этом плане. К 1 апреля 1922 года в стране было зафиксировано общее сокращение школьной сети на 10,6%, а количества учащихся на 17,6%, причем Наркомпрос доложил руководству страны о том, что «продолжалось дальнейшее и еще более резкое сокращение сети»⁵⁰. Заместитель наркома просвещения И. И. Ходоровский, подводя печальные итоги 1923 года, в частности, отметил, что сеть начальных школ в РСФСР «охватывает только 50% детей в возрасте от 8 до 12 лет» (следовательно, из 8-ми миллионов детей этого возраста 4 миллиона оказались за бортом школы)⁵¹.

В сложившихся исторических условиях В. И. Ленин посчитал необходимым скорректировать свою позицию по отношению к путям развития советской культуры. В одной из последних своих работ, «Странички из дневника», опубликованной в январе 1923 года, он написал по этому поводу следующее: «В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры (так в тексте. — В. С.), показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо»⁵².

Действительно только для того, чтобы молодежь смогла «взять всю культуру, которую капитализм оставил», надо было, как минимум, уметь читать и писать, а в стране еще были миллионы неграмотных граждан.

Наверное, именно в связи с этим В. И. Ленин совершенно справедливо, на наш взгляд, в данной своей статье настаивал на том, чтобы в сложившейся экономической ситуации «сокращались бы расходы не Наркомпроса, а расходы других ведомств, с тем, чтобы освобожденные суммы были обращены на нужды Наркомпроса»⁵³. Голос уже тяжело больного к этому времени главы Советского государства не был услышан его соратниками.

Следует вспомнить, что в этой же работе В. И. Лениным выдвигалось еще одно весьма разумное требование о том, что «народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял, и не стоит, и не может стоять

в буржуазном обществе». За все долгие годы Советской власти этот завет Ильича также выполнен не был. И в постсоветской, «демократической» России подобное положение, ставшее уже традиционным, сохраняется в культуре и просвещении.

История показала, что, в целом, верные мысли и указания В. И. Ленина по основным проблемам развития советской культуры были правильно поняты и восприняты далеко не всеми руководителями правящей партии и государства. Во многом в связи с этой ситуацией в первые годы революции в стране развернулась достаточно острая полемика по целому ряду вопросов отношения к культурному наследию и, вообще, о путях развития советской культуры.

Так, в начале 1923 года была организационно оформлена Российская Ассоциация пролетарских писателей (РАПП), которая главной своей задачей ставила борьбу против всей культуры прошлого, считая ее антиподом новой пролетарской культуры. В первом же своем манифесте рапповцы заявили следующее: «Мы будем бороться с теми стародумами, которые в благоговейной позе застыли перед грамотным монументом старой буржуазно-дворянской литературы и не хотят сбросить с плеч рабочего класса ее гнетущей идеологической тяжести»⁵⁴.

Атакующий порыв рапповцев быстро набирал размах. Уже через несколько месяцев после упомянутого выше манифеста один из видных теоретиков РАППа Ю. Либединский в своей статье «Классовое и групповое» с пафосом заявлял, что «рождается новая пролетарская культура, основной фактор которой — принцип отрицания и преодоления культуры предыдущего»⁵⁵.

Стремление «преодолеть» прошлую культуру порождал у рапповцев и нигилизм, отрицание порой лучшего из того, что олицетворяло культурное наследие. Например, в одном из номеров журнала «На посту» указывалось, что реакционная мелкая буржуазия «в России, начав Некрасовым и Глебом Успенским, кончила Чеховым и Вертинским»⁵⁶ (так в тексте. — В. С.). Кроме того, в журнале печатались статьи, в которых самой разгромной и огульной критике подвергались и современные писатели, такие как В. С. Иванов, Н. Тихонов, А. Толстой, И. Эренбург и др.

Неприятие классического культурного наследия и революционное преобразование искусства было «Боевой программой»

деятельности другой пролетарской творческой организации — «Левого Фронта» (ЛЕФ). В своей декларации «Лефовцы» провозгласили полное неприятие классического Культурного наследия и заявили о необходимости революции в искусстве⁵⁷.

Они на деле отрицали значение искусства как формы отражения бытия, призывали средствами искусства «строить новую действительность и отбрасывать хлам прошлой культуры».

Идеолог ЛЕФа, Б. Арватов, в своей программной статье «Маркс о художественной реставрации» писал: «Для того, чтобы прийти к своему собственному искусству, пролетариату придется до конца вытравить фетишестический культ художественного прошлого и опереться на передовой опыт современности»⁵⁸.

История показала, что политические и эстетические взгляды «неистовых ревнителей», борцов за чистоту новой пролетарской культуры не стали решающим фактором, определившим столбовую дорожку советской культуры и искусства.

Однако их бурная деятельность в те годы была созвучной революционным настроениям и устремлениям значительной части населения страны и части отечественной интеллигенции и поэтому оказала определенное влияние на развитие советской культуры.

В этой связи, следует отметить, что в первые годы революции и определенная часть творческой интеллигенции критически относилась к целому ряду аспектов культурного наследия, искренне веря в необходимость и возможность создания новой культуры.

Так, К. И. Чуковский в своем критическом обзоре «Портреты современных писателей», опубликованном в первом номере журнала «Русский современник» за 1924 год, подверг нелицеприятному критическому анализу творчество А. Н. Толстого. В частности, автор обзора с пафосом и бескомпромиссностью вынес обвинительный вердикт писателю: «Своими учителями он избрал мастеров давно прошедшего времени, не Андрея Белого, не Ремизова, но Гоголя, Тургенева, Толстого. Чаще всего он работает по этим стародворянским моделям»⁵⁹.

Другой известный критик тех далеких лет, Г. Горбачев, в своей книге «Очерки современной русской литературы» в числе прочих подверг резкой критике творчество литературной группы «Серапионовы братья». Энергичный критик анализировал ре-

зультаты деятельности сразу всей группы, в целом, а в нее в то время входили такие совершенно разные, но талантливые писатели, как М. Зощенко, Б. Пильняк, И. Эренбург и др. Однако, «ничтоже сумняшеся», Г. Горбачев писал, в частности, в своей книге следующее: «Особенность сказа серапионовцев, общая им с Лесковым и Гоголем, писателями, не имевшими, как и серапионовцы, широких общественных интересов и лишенных понимания передовых идей своего времени — прятание в сказе за маску обывателей»⁶⁰ (так в тексте. — В. С.).

Заметим, что и гораздо позднее, на протяжении 1930–1950-х годов в советских школах при изучении творчества великих русских писателей, таких как Н. В. Гоголь, И. А. Тургенев, И. А. Гончаров, А. П. Чехов и др., при характеристике их произведений часто употреблялись следующие оценки: «продукт реакционного дворянства», «порождение нарождающейся антинародной буржуазии» и др.

На наш взгляд, политические взгляды «неистовых ревнителей» совпадали с мнением и части членов правящей большевистской партии. Но, видимо, не в той мере, которая бы обеспечила делегирование им партией части своих властных функций. Этого, к счастью, не произошло и благодаря позиции самого В. И. Ленина, и других видных представителей партийной интеллектуальной элиты, таких как Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский и др.

В 1920-е годы активно заявило о себе еще одно политическое и идейное движение — «евразийство», отличавшееся нетрадиционным, а порой несколько экстравагантным отношением к отечественному культурному наследию.

Евразийцы считали, что татарское нашествие и трехвековое владычество являлись великой исторической удачей русского народа, так как в результате татарского ига на территории бывшей татарской империи возникло могучее русское государство. Один из главных теоретиков этого движения, П. Н. Савицкий, писал об этом следующее: «Великое счастье России, что в момент, когда, в силу внутреннего разложения, она должна была пасть, она досталась татарам, они не замутили чистоты национального творчества»⁶¹.

Евразийцы полностью отрицали прогрессивный характер петровских преобразований, перечеркивали все культурное наследие России XVIII–XIX веков. Особенно губительными для страны

они считали любые западноевропейские заимствования. Другой видный идеолог евразийства, Н. С. Трубецкой, указывал на то, что «все получаемое с запада органически не усваивалось, не вдохновляло национального творчества»⁶². По мнению евразийцев, два постпетровских столетия в России были совершенно лишены положительного опыта и смысла, а в это время шло только разрушение страны.

В этой связи, евразийцами был сформулирован вывод о том, что советская Россия является абсолютной наследницей Татарской империи, поскольку большевики в тот период так же отвергали историческое и культурное наследие XVIII–XIX веков.

Формат и задачи нашего исследования не позволяют высказать полностью свое критическое отношение к идеологии евразийства. Однако мы позволим себе выразить только одно принципиальное несогласие с их взглядами. Совершенно коротко отметим, что дошедшие до нас исторические источники, такие как летописи, былины, другие произведения устного народного творчества, достаточно объективно отражают «благотворность» векового татарского владычества. На наш взгляд, иноземное иго оказало совершенно негативное воздействие на весь менталитет, на многие традиции народов, населявших территории Руси, на их отношение к труду, к собственности, к любой власти, к личной свободе и др.

Отметим, что взгляды сегодняшних неоевразийцев изменились в незначительной степени. У них сохранились и главная аргументация, и лексикон, введенные в общественный и научный оборот еще теоретиками евразийства в 1920-е годы.

В сталинский период истории преобладало негативное отношение государственной власти к культурному наследию. И. В. Сталин, в этом плане, занимался ревизией не только отдельных положений теоретического наследия К. Маркса, но и ряда выводов, сделанных в свое время В. И. Лениным.

Подобное отношение власти к культурному наследию сложилось во многом из-за оценки, данной И. В. Сталиным одному из законов марксистской диалектики — закону отрицания отрицания. Этот закон был вообще как бы «вычеркнут» вождем мирового пролетариата из марксистской диалектики⁶³. Следовательно, отвергались и основные закономерности, и преемственность в развитии

духовной культуры. Кроме того, нельзя не вспомнить и того обстоятельства, что И. В. Сталин считал «ликвидацию старой надстройки» неотъемлемой задачей революционного развития общества.

Понятно, что в условиях «сталинской демократии» эти «основополагающие установки» вождя были энергично подхвачены многими советскими деятелями науки и культуры, и долгие годы в СССР считалось принципиально невозможным использовать многие достижения культуры прошлого, а заодно и многие научные открытия современности.

Таким образом, сталинскому руководству страны удалось инициировать и воплотить в жизнь своеобразную модель нигилизма, когда в СССР были отторгнуты многие ценности и отечественного духовного наследия, и западной культуры. Характерной особенностью подобного «сталинского нигилизма» стало то, что в идеологической и культурной жизни советского общества часто использовались лишь понятия и слова, при том, что содержание их было совершенно выхолощено; во главу угла нередко ставились «ценности» лишь сиюминутного характера, являвшиеся отражением политической конъюнктуры.

В данной связи следует сказать еще и о том, что марксизм, в его советской интерпретации, вообще оперировал весьма скудным понятийным инструментарием, состоявшим из таких образов-понятий, как «производственные отношения» и «базис», «надстройка», «отношения между классами» и т. п. Эти понятия являлись безличными, неопределенными и неуклюжими. В реальности, описываемой подобным языком, устранялась вся духовность, да и сама жизнь.

Партийные теоретики все социальные идеи и общественные движения пытались свести к совершенно неопределенным категориям, таким как «отношения», «борьба», «противоречия» и др.

В то же время, вся история XX столетия убедительно показала, что самую высокую и неизменную ценность у людей имеют культурные традиции, нравственные принципы, религиозные особенности и т. д. В конечном счете, именно они во многом определяют уровень экономического развития и хозяйственной активности любого народа, а также и степень его готовности воспринять передовые достижения науки, техники, социальные инновации и др.

Экономическое благополучие и духовное «здоровье» народа составляют единое целое. Кроме того, следует помнить, что любая

демократия, не связанная с духовными ценностями и целями, обречена на вырождение сначала в авторитаризм, а потом в тиранию. Данное положение со всей очевидностью подтверждено и всем ходом истории, и всей современной жизнью.

Примечания

1. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 203.
2. О повреждении нравов в России, князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное изд. М., 1983. С. 16.
3. *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 577–578.
4. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253.
5. *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.; Л., 1951. С. 225.
6. Там же. С. 18.
7. *Мережковский Д. С.* Вечные спутники. М., 1911. С. 338–339.
8. *Лихачев Д. С.* Книга беспокойств. М., 1991. С. 306.
9. *Чаадаев П. Я.* Философические письма. М., 2006. С. 238.
10. Там же. С. 240.
11. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее ПФАРАН). Ф. 2. Оп. 1–1922. Д. 1. Л. 332.
12. *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого князя Московского в 1606 году. М., 1913. С. 11.
13. *Чаадаев П.* Указ. соч. С. 8–9.
14. Там же. С. 249.
15. *Герцен А. И.* Соч.: в 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 198.
16. Там же. Т. 5. С. 24–25.
17. *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1969. С. 468.
18. Там же. С. 638.
19. *Герцен А. И.* Соч.: в 30 т. Т. 7. С. 329.
20. Там же. Т. 20. С. 581, 593.
21. *Чернышевский Н. Г.* Полное собр. соч.: в 15 т. Т. 7. М., 1949. С. 617.
22. Там же. Т. 3. С. 303.
23. Там же. С. 351.
24. *Писарев Д. И.* Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 135.
25. *Писарев Д. И.* Полное собр. соч.: в 6 т. Т. 5. СПб., 1904. С. 110.
26. Там же. С. 125–126.
27. Там же. Т. 1. СПб., 1903. С. 456.
28. Там же. С. 522.
29. *Розанов В. В.* Мимолетное. М., 1994. С. 141.

30. ПФАРАН. Ф. 6. Д. 15. Л. 27.
31. *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 432.
32. Там же. Т. 2. М., 1990. С. 219–220.
33. Там же. Т. 1. С. 342.
34. Там же.
35. Там же. С. 344.
36. Там же. С. 352.
37. Там же. Т. 2. С. 173.
38. Там же.
39. Там же. С. 557.
40. *Мережковский Д. С.* Полное собр. соч. Т. 15. М., 1914. С. 61, 70.
41. *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 24. С. 129.
42. *Струве П. Б.* Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 315.
43. Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1. М., 1973. С. 8.
44. *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. (Последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 168.
45. Русский календарь на 1903 год. СПб.: Изд. А. Суворина, 1903. С. 123.
46. *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 38. С. 55.
47. Там же. Т. 41. С. 308.
48. Там же. С. 304–305.
49. Там же. С. 336.
50. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. Т. 1. Ч. 2. М., 1984. С. 35.
51. *Ходоровский И. И.* Основные черты современного состояния народного просвещения в РСФСР // Красная новь. 1923. Кн. 7. С. 140–144.
52. *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 45. С. 363.
53. Там же. С. 364.
54. От редакции // На посту. 1923. № 1. С. 8.
55. *Либединский Ю.* Классовое и групповое // На посту. 1923. № 4. С. 53.
56. *Либединский Ю.* К вопросу о личности художника // На посту. 1924. № 1. С. 41.
57. За что борется ЛЕФ // ЛЕФ. 1923. № 1. С. 36.
58. *Арватов Б.* Маркс о художественной реставрации // ЛЕФ. 1923. № 3. С. 78.
59. *Чуковский К. И.* Портреты современных писателей // Русский современник. 1924. № 1. С. 265.
60. *Горбачев Г.* Очерки современной русской литературы. М., 1924. С. 81.
61. *Савицкий П. Н.* Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 124.
62. *Трубецкой Н. С.* Верхи и низы русской культуры // Пути Евразии. М., 1992. С. 338.
63. Русская философия: Словарь / Под ред. М. А. Маслина. М., 1995. С. 479–480.